

ББК Ш5(2=Р)5–4
УДК 821.161.1

В. В. Цуркан¹,
Магнитогорский государственный
технический университет им. Г. И. Носова
veravts2013@yandex.ru

КОНЦЕПТ «КНИГА» В ТВОРЧЕСТВЕ А. БИТОВА

В статье анализируется мирообраз книги как значимый элемент художественного сознания А. Битова. Автор исследует универсальные и индивидуально-авторские способы представления концепта, рассматривает единицы, формирующие его структурно-семантическое своеобразие, указывает на связь концептов «книга», «культура» и «память», актуализирует проблему переосмысления феномена книги в современном мире.

Ключевые слова: Битов, культура, концепт, память, книга, Манделъштам, Пушкин

В творчестве А. Битова книга как явление культуры не соотносится с какой-либо одной сферой бытия, но связана с разнообразными областями деятельности человека, которые вне книги существовать не могут. В мире, в котором, «эсхатология перерастает в схоластику» [3, 774], становясь вполне естественной частью современного сознания, а чтение «перестает быть человекообразующим ресурсом» [10, 5], А. Битов размышляет о книге как об упорядочивающем, либо о деструктивном начале бытия и о ее творце как о созидателе или разрушителе миров.

Понятийный, ценностный и образно-метафорический слои концепта «книга» в битовской прозе опираются на мощную традицию, в которой взаимодействуют метафорические и метонимические аспекты восприятия феномена книги, в том числе и включающие ее аналогии с человеком. Аксиологическая составляющая концепта актуализирована писателем в эссе «Текст как поведение». А. Битов признается: «Чехова и отца я люблю ровно и одинаково. Манделъштама люблю отдельно» [4, 281]. История битовского

¹ Цуркан Вероника Валентиновна, кандидат филологических наук, доцент кафедры языкознания и литературоведения, Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, г. Магнитогорск

приобщения к творчеству О. Мандельштама напоминает детектив, четыре части которого имеют примечательные заглавия: «Я краду книгу», «Я дарю книгу», «У меня крадут книгу», «Мне дарят книгу» [4, 282–283]. Первая глава завершается признанием: «Евангелия в библиотеке дядьки не было. Это была, пожалуй, запрещенная книга. И стихотворение Мандельштама стало моей первой молитвой» [4, 282].

Битовский персонаж, проживающий жизнь, чаще всего выступает либо как объект эмоционального воздействия книги (читатель), либо как субъект созидания (автор текста). Герои ранних произведений А. Битова воспринимают книгу как зеркало, в котором они ищут собственное «Я», и как окно в мир людей. Например, юный Монахов, наслаждающийся чтением романа Г. Мелвилла «Моби Дик», где «все было так осязаемо, просто и точно; в то же время так немучительно, тек легко и умно» [5, 66], обретает благодаря книге понимание того, что «нет такого качества в нашем мире, которое продолжало бы существовать вне контраста»: правды – без лжи, любви – без ревности, веры – без неверия [5, 66].

На формирование внутреннего мира героя оказывает влияние и другая «странная» книга. На понятном для людей «в безверии» языке она учит: «то огромное, что есть любовь, не оставляет ни точки в твоём крохотном пространстве и даже разрывает тебя и гораздо превышает тебя. Ты становишься таким большим, каким никогда бы не мог без этого стать, а в том, чем ты был без любви, ты становишься ещё мельче» [5, 81]. С неназванной книгой Монахов знакомится впервые в девять лет и вновь испытывает потребность перечитать её в восемнадцатилетнем возрасте, дабы уяснить, как в нём, «крохотулке», уместилась любовь и случайна ли она? [9, 732]. Какое произведение имеет в виду писатель? Эпиграфы к главам романа указывают на два сакральных текста – Псалтырь и Откровение Иоанна Богослова, которые в определенном смысле не только программируют жизнь героя, но и объясняют, почему он «постепенно утрачивает способность любить» [1, 176].

С целью уточнения культурно-исторической функции книги ученые нередко обращаются к её этимологии. Примечательно, что на вопрос о происхождении лексемы «книга» историко-этимологический словарь не дает исчерпывающего ответа. Размышляя над этим фактом, исследователи В. В. Волков и Н. В. Волкова считают необходимым обратиться к древнегреческому межъязыковому аналогу – лексеме «*урацца*», обозначающей, во-первых, «все начерченное»: письменный знак, букву; изображение, образ, рисунок, надпись; во-

вторых, «все написанное»: письмо, книгу, сочинение, запись. Близость этих значений указывает на то, что «логика семантического развития древнегреческого квазиэтимона от отдельного знака – к целому тексту» [7, 58] была связана с постепенным накоплением кусочков памятного, «*мнемы*».

В прозе А. Битова связь концептов «память» и «книга» актуализирована в размышлениях об ошеломившей его во время путешествия по Армении «полузапрещенной книге», достать которую «оказалось так же трудно, как Библию» [3, 439]. Из нее писатель узнал о том, чего каждый должен бояться, как Божьего суда – о геноциде древнего народа: «это была Книга. Самое большое, что меня поражает – когда человек *ли, целый народ* поднимают свою скорбь и свое достоинство до масштабов великой книги» [6].

В «Уроках Армении» в центре внимания А. Битова оказывается не только социальный и нравственный, но и культурно-исторический план концепта. Экскурсы в прошлое народа переплетаются с бытовыми зарисовками и авторскими взволнованными лирическими монологами. Причастность к драгоценной книге культуры вызывает в душе повествователя чувство уважения к собственной личности. Призыв А. С. Пушкина «любите самого себя, достопочтенный мой читатель...» он относит к себе. Вместе с тем, как и О. Мандельштам, А. Битов пишет о невозможности перевода первородного лепета на язык понятных терминов. «Мир-книга» требует вдумчивого чтения, ведь ее смысл подчас внеположен тексту, передавая нечто отличное от слов, его составляющих. Преодолеть это противоречие можно путем «растворения в творении» [3, 504], в момент, когда жизнь суживается до точки и художник должен все начать сначала: сделать первый вдох, заново выучить язык, произнести первое слово [11]. Другая стратегия выражается в попытке создания произведения, время которого имитировало бы вневременное настоящее «мира-книги». Чудо совпадения «опыта» и «образа» рождает у писателя почти физическое ощущение «слова – родины» [3, 498].

Однако не только внимательное чтение помогает заполнить образовавшийся между жизнью и литературой зазор. Будучи «запечатленной» коллективной и индивидуальной памятью народа, книга становится основой диалога разных людей и поколений. Благословляя неразрывность человека и творчества в эссе «Грузин и грузин», А. Битов рассказывает об известном грузинском сценаристе и создателе сказок, о Ване и Нико Эрломе Ахвледиани, о его способности создавать тексты, свободные от какого-то определенного авторского почерка. «Может, это и есть свобода? –

размышляет А. Битов, – та полная свобода, о которой художник может только мечтать, – внутренняя?» [2, 647]. Особая этика обращения со словом, с фольклором привела к тому, что именно Э. Ахвледиани «имел право пытаться постичь душу Пиросмани» [2, 609], другого великого грузина, создателя мифа о волшебной силе искусства [10, 143].

Идея свободы художника оригинально преломляется у А. Битова в материализации метафоры «жизнь-книга» в «Записках из-за угла», имеющих подзаголовок «Дневник единоборца». Создатель дневника сначала последовательно фиксирует эпизоды собственной жизни, а затем признается в той пропасти, которая пролегает между поведением писателя в быту и в творчестве: «Художник только в творении прекрасен, а в жизни, если бы вы только знали этого мерзавца в жизни!..» [5, 303]. Маркируя вторичность «Записок» в их отношении к культурной традиции, А. Битов обнаруживает собственную отдаленность от первичного культурного текста.

Постмодернистская ситуация «смерти автора» интересно обыгрывается и в рассказе «Автобус» в эксцентричном обращении читателя к «начинающему литератору»: «Кто это у нас такой маленький-маленький! Кто это у нас под столом ползает? Кто это такой холесенький-холесенький! Ух ты, гули-гуленьки... Ах ты, цыпочка-цыпа! Кто это у нас такой квадратненький! Угловатенький такой кто у нас? У-тютюшеньки-тютю. Кто это у нас такой несознательный-несознательный! Такой недооценивающий-недооценивающий? Какой миленький маленький авторчик!... Что ж ты не то пишешь? Ой, гулюсенки мои!.. Что же ты извращаешься? Правду, говоришь, пишешь?.. Ах ты, сволочь, мракобес... а я-то думал, ты заблуждаешься! Я-то тебе верил, гад!» [3, 14].

В остром переживании несоответствия личности житейской и творческой, в ситуации деструкции сознания именно процесс написания текста становится едва ли не единственным способом самоидентификации «человека пишущего». «Центрированию» персонажа помогают литературные коды, актуализированные в содержании книг, которые читают пассажиры автобуса. Первая – модный роман о загадочной Лилиан. Вторая требует ответа на нелепый вопрос о том, что лучше – «прожить пять лет или просуществовать пять минут?». Третья привлекает внимание загадочной фразой: «Как же удержать этого... этого... огненного... нет, ог-нен-но-кры-ло-го Ки-ки... этого Ки-Ки... этого Ки-фа-ре-да, чье безмолвие яснее слов говорит о желании?» [3, 11].

Образ Аполлона-Кифареда символизирует не только божественную стихию искусства, но и определенную модель поведения писателя. Связанный с проблемами происхождения творческого дара и адекватной самооценки художника, активно используемый на рубеже XIX – XX вв. в поэзии И. Анненского и А. Ахматовой, данный мифологический образ отсылает к лирике А. С. Пушкина, который, как известно, был не только величайшим писателем, но и величайшим читателем. В «Пятое измерение» А. Битов ввел известное пушкинское высказывание: «Я не люблю читать. Чужой ум меня смущает» [3, 333]. А вслед за этим не преминул случаем напомнить, что для него писатель начинается с читателя. Как отмечает О. Славникова, невероятная свобода А. Битова выражается в том, что свои тексты он «создает не в Питере, не в Париже и не в Токсово, а в некоем особом внегеографическом месте. И в том его, писателя, проблема» [8, 208].

Таким образом, концепт «книга» в творчестве А. Битова является одним из основных, открывающих мир в экзистенциальной перспективе инструментов самоанализа. Оригинальная трактовка концепта позволяет писателю продемонстрировать амбивалентность и многоплановость данного феномена в совокупности образно-символической и культурно-исторической составляющих, а также заострить проблему чтения и переосмысления значения книги как влияющих на развитие национального самосознания важнейших категорий современной культуры.

Литература

1. Бедрикова, М. Л. Концепт «душа» в поздней прозе и публицистике В. Распутина / М. Л. Бедрикова // Libri Magistri. Историческое и современное измерения. – 2015. – Вып. 1. – С. 174–183.
2. Битов, А. Г. Книга путешествий по империи / А. Г. Битов. – М.: АСТ Олимп, 2000. – 720 с.
3. Битов, А. Г. Империя в четырех измерениях / А. Г. Битов. – М.: Фортуна лимитед, 2002. – 783 с.
4. Битов, А. Г. Пятое измерение: На границе времени и пространства / А. Г. Битов. – М.: Изд-во Независимая газета, 2002. – 544 с.
5. Битов, А. Г. Новые сведения о человеке: Роман. Повести / А. Г. Битов. – М.: Эксмо, 2005. – 528 с.
6. Битов, А. Г. Резня – слово, не требующее перевода [Электронный ресурс] / А. Г. Битов // Новые известия. 24 апреля. 2005. – Режим доступа: <https://newizv.ru/news/society/24-04-2005/23505-andrej-bitov-reznja-slovo-ne-trebujushee-perevoda>

7. Волков, В. В., Волкова, Н. В. Концепт «книга» в русской лингвокультурологии: аспекты исследования / В. В. Волков, Н. В. Волкова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 4(46): в 2-х ч. – Ч. 11. – С. 54–60.
8. Славникова, О. А. Существование в единственном числе / О. А. Славникова // Новый мир. – 1999. – № 7. – С. 205–210.
9. Цуркан, В. В. Концепт «детство» в раннем творчестве Андрея Битова (к антологии художественных концептов) / В. В. Цуркан // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2011. – № 3. – С. 731–734.
10. Цуркан, В. В. Концепт «творчество» в прозе А. Битова / В. В. Цуркан // Художественная концептосфера в произведениях русских писателей: сборник научных статей. науч. ред. С. Л. Слободнюк. – Магнитогорск, 2011. – С. 141–148.
11. Цуркан, В. В. «Тайна» гения в статье П. Струве «Дух и слово Пушкина» (К истории белградской пушкинианы) / В. В. Цуркан // Наследе. Руско-српске везе: хуманистика данас 2017. – Vol. XIV. – Is. 37/1. – P. 115–121.
12. Черняк, М. А. Актуальная словесность XXI века: Приглашение к диалогу / М. А. Черняк. –М.: ФЛИНТА: Наука, 2016. – 232 с.

THE CONCEPT «BOOK»
IN A. BITOV'S CREATIVE WORK

V. V. Tsurkan

Abstract

The article is devoted to the analysis of the book world-image as an important part of Bitov's artistic consciousness. The author examines the universal and individual-author's ways of concept representation, considers the units that form its structural and semantic originality, points to the relationship of the concepts of "book", "culture" and "memory", as well as actualizes the problem of rethinking the phenomenon of the book in the modern world.

Keywords: Bitov, culture, concept, memory, book, Mandelstam, Pushkin

Поступила в редакцию 29.05.2018